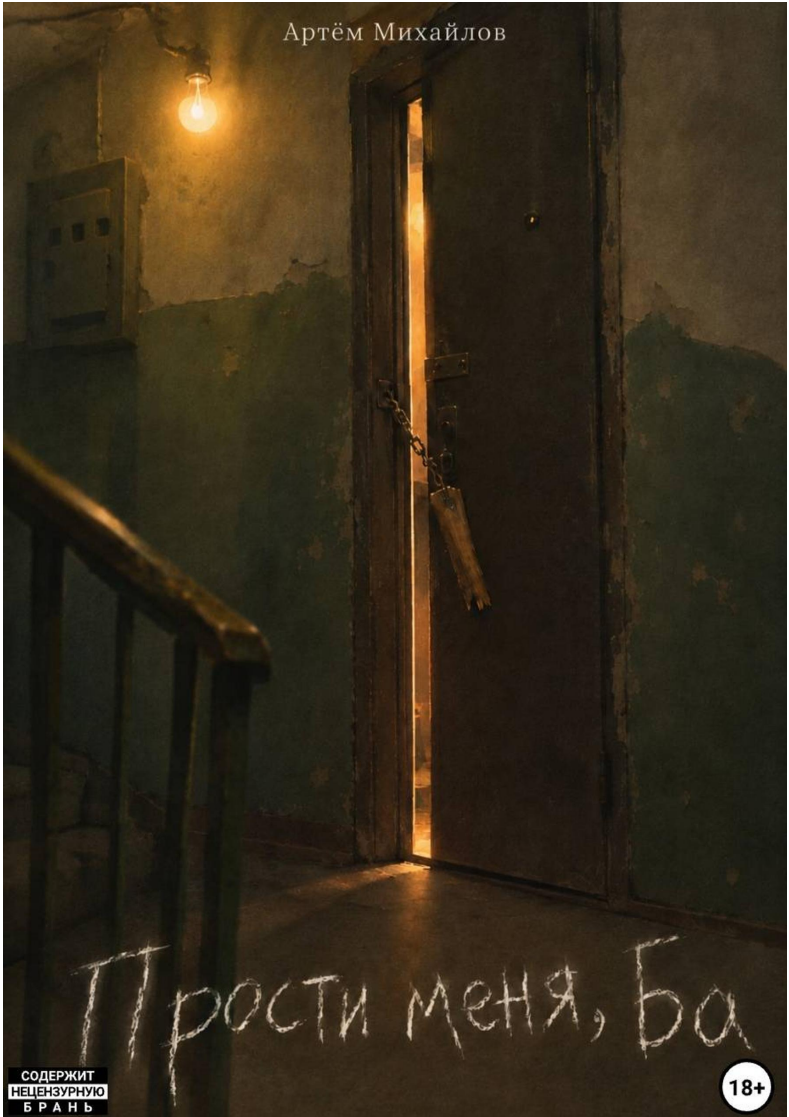

Артём Михайлов
Прости меня, Ба
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Артём Михайлов

Прости меня, Ба

https://litres.ru/74789672
SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной звонок из полиции заставляет Андрея вернуться в квартиру на Академика Павлова, где он не был десять лет. Там, за вырванной цепочкой, — тело его опекунши Раисы Михайловны. Пока санитары выносят чёрный пакет, Андрей впервые пересматривает своё прошлое. История о запоздалом прозрении, о любви, которая выглядела как усталость, и о том, что прощение почти всегда приходит слишком поздно.

Артём Михайлов
Прости меня, Ба

Артём Михайлов

Если в час ночи звонит телефон — это либо те, кому ты должен, либо полиция. Так или иначе, в час ночи звонят те, кому плевать, спишь ты или нет.

Телефон наигрывал где-то под диваном, и первые секунд десять я просто слушал его сквозь полусон. В комнате было жарко. На кухне гудел старый холодильник, пытаясь догнать по такту настенные часы. За открытым окном после дождя шелестели автомобили.

Телефон продолжал надрываться. Я свесил руку вниз, нащупал бутылку минералки, пульт от телевизора, потом телефон. Номер незнакомый. Я поднял трубку.

— Карпов Андрей Васильевич? — голос мужской, высохший. Такой бывает у людей, которые давно перестали получать от работы хоть что-то, кроме зарплаты.

— Мм.

— Старший сержант Ваченко, отдел полиции по СВАО.

Я сел на диван.

— Да.

— Кем вам приходится Карпова Раиса Михайловна?

— Опекун.

Он на секунду замолчал.

— Соседи жалуются на сильный запах из квартиры. Дверь никто не открывает. Нам нужно попасть внутрь. У вас есть ключ?

Я повернул голову в сторону входной двери. Сбоку, на отдельном крючке висел ключ с брелоком «черепашка-ниндзя».

— Нет.

— Тогда придётся вскрывать дверь. Желательно в присутствии родственника. Сможете подъехать?

На микроволновке горело 01:08. Когда-то белая кнопка «старт» была залита жиром и стала бледно-жёлтой.

— Да. Минут сорок. Начинать можно и без меня.

— Хорошо. Академика Павлова, двадцать два, квартира сорок семь.

— Я помню.

Он отключился.

«Сильный запах». Сотрудник не сказал «смерть». Не сказал «труп». Эти слова оставляют для родственников, чтобы те сами додумали, и сами же себя убедили, что додумывание — это ещё не правда.

Я какое-то время сидел с телефоном в руке. Потом встал и пошёл на кухню.

Пол был холодный и липкий. Я всё собирался его помыть, но последние полгода собирался вообще много чего.

На кухне горела единственная лампочка без плафона. На

столе ноутбук с открытым сериалом, где люди в красивых квартирах кричат друг другу о любви, а потом кто-то умирает. Шёл третий сезон. Я закрыл ноутбук.

На кухне стало темнее и тише, и сразу стало слышно, как капает кран.

Когда живёшь один, начинаешь различать звуки квартиры как чьи-то болячки. Холодильник кашляет, как кашляют те, кто выкуривает по две пачки в день и знает, что лёгкие уже не отмыть, но всё равно тянет очередную. Ламинат скрипел, так трещат суставы у старухи, которая знает, что проснётся завтра в пять утра, и послезавтра, и ещё через год, потому что смерть забыла её адрес, а она слишком труслива, чтобы напомнить.

Я открыл окно пошире и закурил.

Раиса Михайловна, «опекун». Я почти никогда не называл её бабушкой. Даже в голове. Иногда Раиса, реже Ба.

И вот тогда я впервые за ночь подумал, что уже не помню её голоса.

Вообще.

Помнил руки. Помнил запах валерьянки и жареного лука в квартире. Помнил, как скрипела дверь в большую комнату. А голос — нет.

Я затушил окурок и пошёл одеваться. Куртка висела в прихожей. В кармане нашлась смятая пачка сигарет, чек из аптеки и двести рублей мелочью.

Ключи от машины лежали в сахарнице. Нормальные люди

держат там сахар. Я держал ключи.

Перед выходом я зачем-то остановился возле двери. Сбоку на стене всё ещё висел старый календарь с полуголой девушкой и логотипом какой-то автомойки. Он прикрывал жирное пятно на обоях. Я смотрел на него секунд десять, будто пытался вспомнить, когда вообще в последний раз замечал этот календарь. Потом выключил свет и вышел.

В подъезде пахло кошками, сыростью и чужими ужинами.

Пока лифт медленно полз вниз, я стоял внутри, смотрел на своё отражение в металлической двери и думал только о том, что не помню, когда в последний раз был на Академика Павлова. Наверное, лет десять назад. А может, больше.

В какой-то момент между нами установился удобный режим существования: Раиса Михайловна звонила пару раз в год, я не брал трубку, потом она перестала звонить вообще. Так ломаются старые часы. Не сразу. Сначала просто начинают отставать.

Мой последний визит к Раисе Михайловне. Через неделю я должен улететь в Стамбул. Билет лежал на мэйле уже месяц. Изначально планировал просто отпуск, несколько дней смотреть на Босфор, слушать чужой язык. Но в последнее время я всё чаще ловил себя на мысли, что обратно можно и не возвращаться.

В сорок пять начинаешь уставать не от работы или людей, а от собственной жизни. От квартиры, в которой всё стоит на своих местах годами, от одинаковых улиц, от лиц, которые

ты видишь в магазине.

Стамбул казался хорошим городом для растворения: большим, шумным, равнодушным. Там можно было исчезнуть среди чужих голосов и сделать вид, что прошлой жизни у тебя вообще не было.

На улице было сыро. Я сел в машину, бросил телефон на пассажирское сиденье и завёл двигатель.

Ночные дороги всегда выглядят честнее дневных. Днём город старается казаться нормальным: люди спешат, кофейни открыты, кто-то делает вид, что у него есть планы на жизнь. Ночью же всё становится настоящим. Пустые остановки. Витрины с грязными окнами. Аптеки, работающие круглосуточно, потому что боль тоже работает без выходных и перерывов на сон.

Когда я свернул во двор дома на Академика Павлова, первое, что увидел, были мигалки. Синий свет лениво катался по мокрым стенам дома и по лужам.

В детстве мне казалось, что милицейские мигалки красивые. Потом понимаешь, что ничего красивого в них нет. Это просто цвет грядущих неприятностей.

Я припарковался возле мусорных баков. Подъездная дверь оказалась приоткрыта.

И вот когда я вошёл внутрь, запах ударил сразу.

Однажды я уехал на неделю в Тверь и перед отъездом, как полный идиот, вырубил в квартире электричество через щиток. В холодильнике оставались половина арбуза и скумбрия

холодного копчения.

Когда я вернулся, дверца холодильника открылась с таким звуком, будто внутри кто-то медленно выдохнул мне в лицо. Арбуз растёкся в розовую жижу, рыба вспухла и лопнула по брюху, а запах был такой, словно сама квартира решила сдохнуть раньше меня.

Здесь пахло хуже.

К горлу подкатила тошнота. Я попробовал задержать дыхание и быстрым шагом направился к лифту.

Подъезд был всё тот же. Те же зелёные стены, выкрашенные до половины масляной краской. Те же почтовые ящики с отломанными дверцами.

Где-то наверху заскрежетали тросы лифта.

Когда-то я носился здесь пацаном, перепрыгивая через ступеньки. Потом в семнадцать лет стоял с сумкой у подъезда и думал, что ухожу навсегда.

Лифт приехал с тяжёлым металлическим стоном. И также тяжело открылся.

Запах. Теперь уже невозможно было думать ни о чём другом.

Возле двери курил молодой полицейский. Из тех лиц, которые в двадцать выглядят на шестнадцать, а к тридцати вдруг резко превращаются в уставших мужиков с ипотекой и гастритом. Он курил, прислонившись к стене, и смотрел куда-то мимо меня. Второй что-то писал в блокнот.

Взгляд молодого задержался на мне буквально на секунду.

— Карпов?

— Да.

Он повернулся в сторону второго полицейского:

— Это Андрей Васильевич.

Тот, что постарше, оторвался от блокнота.

— Ваченко.

Мы пожали руки. Ладонь у него была сухая и холодная.

Дверь стояла приоткрытой сантиметров на двадцать, и из этой щели в подъезд медленно выползал запах. Тяжёлый, как будто сама квартира начала разлагаться вместе с человеком внутри.

Цепочка всё ещё висела на двери. Её просто вырвало вместе с куском косяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.